
Антон Велатов
Возвышение мага исцеления

Антон Велатов

Возвышение мага исцеления

«Автор»
2026

Велатов А.

Возвышение мага исцеления / А. Велатов — «Автор», 2026

В мире, где маги Огня сжигают врагов, а маги Земли возводят крепости, целителю полагается стоять за чужой спиной. Алексей Ветров с таким распределением ролей не согласен.Студент-биолог из нашего мира получает вторую жизнь. Теперь его зовут Тэо, и учиться приходится всему заново: ходить, говорить, управлять маной. Зато знания анатомии остаются с ним. Пока другие заучивают заклинания, он разбирается, как Свет усиливает его тело.Ускорить реакцию. Укрепить кости. Восстановить повреждённые ткани раньше, чем противник успеет нанести следующий удар. Способность лечить оказывается куда опаснее, чем принято считать.Но показывать результаты своих опытов Тэо не спешит, в академии он держится в тени и прячет настоящие занятия от преподавателей. Всё меняется, когда экспедиция оказывается заперта в Разломе. Помощь не приходит, а каждый бой сокращает отряд. Здесь уже нельзя притворяться слабым. Знания придётся проверять на практике, а решения принимать за тех, кто доверит ему свою жизнь.

© Велатов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 Чужой мир и первые шаги 10
Глава 3 Физиология предела 16
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Антон Велатов
Возвышение мага исцеления

Глава 1
Анатомия чужого тела

Сначала была боль. Алексей не мог понять, где именно болит: в груди, в голове, в руках. Стоило попытаться вдохнуть, и всё остальное исчезало. Он открывал рот, но воздуха всё равно не хватало. Кто-то держал его за плечи. Под затылком лежало что-то жёсткое, возле уха скрипела ткань. Он хотел отодвинуть чужую руку, попросить не трогать его, однако даже это простое намерение никак не превращалось в движение.

Последнее, что он помнил о себе, не имело к происходящему никакого отношения. Алексей Ветров, двадцать два года, четвёртый курс педагогического университета, биология. Лекции, лабораторные, конспекты, которые пора было привести в порядок. Названия костей на латыни, запах формалина, мутное стекло шкафа с препаратами. Всё это оставалось в памяти так отчётливо, что он ещё несколько секунд ждал знакомого потолка, голоса однокурсника, любого подтверждения, что происходящее можно объяснить.

Подтверждения не было. Вместо потолка над ним появилось женское лицо. Он увидел прилипшие к виску русые пряди, край платка, красные глаза. На щеке женщины темнела полоса сажи. Она что-то говорила, повторяя одно и то же слово, а он никак не мог сосредоточиться на звуках. Ему казалось, что лицо находится слишком близко. Потом он заметил руку у своей груди и понял: дело не в расстоянии. Рука была огромной.

— Тэо! Тэо, солнышко, ты слышишь меня?

Он слышал. Более того, понимал её, хотя ещё не успел задуматься, на каком языке она говорит. Алексей попробовал ответить и издал хрип. Женщина всхлипнула, прижала его к себе. Его голова легла ей под подбородок. От одежды пахло сырой землёй и дымом. Он чувствовал, как часто бьётся её сердце, как дрожат обнимающие его руки.

Надо было сказать, что произошла ошибка. Что его зовут иначе. Что он не знает эту женщину и не понимает, почему лежит у неё на руках. Алексей собрался с силами, открыл рот — и снова сумел только выдохнуть. Горло саднило. Грудь отзывалась болью. Он испугался уже вполне осознанно: мысли оставались его, а тело отказывалось выполнять привычные команды.

Он поднял правую руку. Вернее, попробовал поднять. Локоть сдвинулся, пальцы скользнули по чужой рубахе. Маленькие пальцы, с короткими ногтями и неглубокой складкой возле запястья. Алексей смотрел на них, пока женщина гладила его по волосам. Попытка сжать кулак вызвала такую усталость, словно он долго держал тяжесть. Боль после травмы, слабость, непривычные пропорции — он цеплялся за эти объяснения, потому что последнее объяснение было слишком страшным.

Ребёнок. Он оказался в теле ребёнка.

Позднее Алексей узнал, что Тэо было три года. В первые минуты ему казалось, что ещё меньше: настолько беспомощным он себя чувствовал. Он знал, что трёхлетние дети умеют ходить и разговаривать. Значит, дело было не только в возрасте. Травма, истощение, само переселение — что-то нарушило управление телом. Это рассуждение ничего не исправляло, но помогало удержать мысль. Пока он мог думать, оставалась возможность разобраться.

Женщина говорила с кем-то за его спиной. Он различал отдельные слова: лошадь, удар, не дышал. Голос становился тише, когда речь заходила об остановившемся сердце. Алексей попробовал повернуться и увидел возле двери мужчину. Тот стоял неподвижно, опустив широ-

кие ладони. Угольная пыль въелась в складки кожи. Мужчина смотрел на ребёнка и будто не решался подойти.

— Дышит, Бран, — сказала женщина. — Посмотри. Он дышит.

Мужчина шагнул к ним. Половица прогнулась под его ногой. Он коснулся Алексеевой головы двумя пальцами, осторожно, как касаются надтреснутой вещи. Это прикосновение почему-то испугало меньше, чем всё остальное. В нём не было требования, вопроса или попытки заставить его говорить. Только проверка: здесь ли ещё тот, кого они едва не потеряли.

Алексей закрыл глаза. На лице осталась чужая слеза. Ему хотелось, чтобы всё закончилось, чтобы он проснулся, вернулся в свою комнату и обнаружил, что проспал пару. Но женщина продолжала держать его, под рёбрами болело, а маленькая рука лежала на её рукаве. Он мог сколько угодно отказываться принимать происходящее. Дышать всё равно приходилось этим телом.

Одна задача нашлась сразу: пережить следующий вдох. Потом ещё один. Остальное он отложил.

Он не смирился. Просто понял, что возмущение пока ничего не меняет. Если у происходящего есть причина, к ней придётся добраться позже. Сейчас даже взгляд в сторону двери требовал усилия. Алексей оставил вопросы в памяти, стараясь не превращать каждый из них в повод снова испугаться, и сосредоточился на том, что ещё мог делать сам.

Первые дни прошли в постели. Его кормили с ложки, поддерживали, когда он садился, меняли мокрую рубаху. Особенно тяжело давалась зависимость от чужих рук. Он понимал, что женщина помогает, однако каждый раз злился, когда не мог сам удержать чашку. Злость быстро утомляла. Иногда он засыпал посреди собственного мысленного возражения, а проснувшись, обнаруживал, что снова лежит под одеялом и за окном уже темно.

Мать Тэо звали Марен. Отец был Браном, деревенским кузнецом. Эти сведения Алексей собирал из разговоров, не задавая вопросов. Поначалу ему хватало того, чтобы слушать. Он выяснил, где находится дверь, какой звук издаёт засов, когда Марен уходит из дома. Запомнил скрип стула у печи и звон кружки, из которой пил Бран. Маленькие повторяющиеся подробности помогали отличать утро от вечера и постепенно возвращали ощущение порядка.

Хуже всего было ночью. Днём рядом кто-нибудь находился, а в темноте Алексей оставался со своей памятью. Он перебирал знакомые лица, старался вспомнить обычные разговоры, не имевшие прежде никакого значения. Как выглядел двор возле университета. Где стояла сумка. Что он собирался сделать после занятий. Память удерживала всё это, но не давала ответа на единственный нужный вопрос. Между прежней жизнью и этой зиял провал.

Он боялся потерять воспоминания и потому мысленно повторял их, словно готовился к экзамену. Иногда имена всплывали сразу, иногда приходилось ждать. Это пугало сильнее боли. Если исчезнет то, что он помнит, кто останется? Тэо, которого знали Марен и Бран? Мальчик, заново научившийся жить после удара лошади? Алексей пока не мог решить даже, какое имя употреблять, когда обращается к самому себе.

Марен принимала его молчание за последствия несчастья. Садилась рядом и рассказывала о том, что случилось в деревне. Не требовала ответа, только время от времени спрашивала, удобно ли ему. Алексей заметил, что после таких разговоров ей самой становится легче. Она переставала смотреть на его грудь, проверяя каждый вдох. Он начал кивать, а однажды сумел произнести короткое «да». Марен улыбнулась так, будто он сделал нечто гораздо более важное.

Магию он впервые увидел дома. Марен подошла к жбану, который стоял возле лавки. Из её пальцев потянулось голубоватое свечение. Вода поднялась над горлышком, свернулась прозрачной лентой и перетекла в таз. Ни ковша, ни трубки, ни спрятанного механизма Алексей не увидел. Он ждал, что вода упадёт раньше, разбрызгается, подчинится хотя бы силе тяжести. Лента послушно следовала за рукой.

Марен заметила его взгляд.

— Хочешь умыться? Только не холодной.

Она опустила пальцы в таз. Алексей смотрел на них и не мог заставить себя моргнуть. Всё произошло буднично: женщина перелила воду и проверила её температуру. Для неё в этом было столько же необычного, сколько для него прежде — в повороте крана. Он осторожно коснулся воды. Она была настоящей. Тёплой. Стекала с ладони и оставляла мокрый след на одеяле.

В тот вечер он долго пытался придумать обычное объяснение. Может быть, вода двигалась по прозрачной трубке, а свечение отвлекало взгляд. Может быть, повреждение головы заставляло видеть то, чего нет. Последнее особенно пугало. Если нельзя верить собственным глазам, вся его попытка разобраться теряла опору. Алексей следил за Марен, за тазом, за мокрой тканью и ждал, что обнаружится несоответствие.

Несоответствия не было. Марен подняла воду ещё раз, уже для другой работы. Поток прошёл в месте, где никакая трубка не помещалась бы незаметно. Женщина повела рукой в сторону, и вода последовала за ней. Алексей хотел коснуться струи, но не дотянулся. Марен заметила движение и подвинула таз ближе, решив, что он снова хочет умыться. Её неверное объяснение было настолько обычным, что ненормальность происходящего лишь усилилась.

Позднее он увидел то же при Бране. Кузнец протянул кружку, Марен наполнила её, не беря ковш. Он отпил и продолжил разговор. Алексей ждал хоть какого-нибудь удивления и не дождался. Перед ним находились два человека, которые согласованно обращались с невозможным как с повседневным. Значит, дело едва ли было только в его восприятии. Либо весь окружающий мир являлся ошибкой, либо ошибочными стали прежние ожидания от него.

Он выбрал второе как рабочее предположение. Не потому, что поверил во всё сразу, а потому, что иначе оставалось только лежать и бояться. Если завтра вода снова поднимется, нужно будет смотреть внимательнее. Если что-нибудь изменится — запомнить изменение. Алексей не располагал приборами, но у него были глаза, слух и возможность увидеть одно действие много раз. В лаборатории наблюдение тоже не всегда начиналось со сложного оборудования.

Труднее всего оказалось дождаться следующей попытки. Марен не собиралась демонстрировать дар по заказу. Она работала, готовила, занималась ребёнком, а Алексей успевал заснуть или отвернуться в нужный момент. Он сердился на себя, затем начинал считать случаи, которые действительно увидел. Несколько похожих наблюдений были лучше одного впечатляющего, восстановленного по памяти. Так в незнакомом доме появилось занятие, на которое он мог полагаться.

Следующие дни он ждал повторения. Марен занималась поливом полей, помогала с водоотводом, тушила случайные пожары. Возвращалась усталая, с землёй на подоле, иногда долго растирала запястья. Её дар был работой, и работа требовала сил. Когда она двигала воду, свечение на ладонях менялось. Алексей пытался уловить, от чего зависела яркость: от объёма, расстояния, состояния самой Марен. Ответов пока не было, зато появились вопросы, которые можно было проверять.

С Браном всё выглядело иначе. Кузница примыкала к дому, и звук молота сопровождал большую часть дня. Когда Алексей смог сидеть у открытой двери, он увидел, как отец направляет пламя на металл. Огонь слушался движений ладони, но молот по-прежнему приходилось поднимать рукой. Бран поворачивал заготовку, оценивал цвет раскалённой стали, возвращал её в жар. Магия облегчала работу, не избавляя от необходимости знать ремесло.

Алексей мог часами следить за этим. Его интересовало, сколько времени Бран держит заготовку в огне, почему прекращает нагрев именно сейчас, как понимает, что пора бить. Знания о кристаллической структуре металла вспоминались обрывками. В университете он зани-

мался другим. Соблазн объяснить всё знакомыми словами был велик, однако Алексей вовремя ловил себя на том, что просто называет непонятное. Название ещё ничего не доказывало.

Бран однажды оглянулся и обнаружил, что сын наблюдает за его руками.

— Подрастёшь — покажу, — сказал он. — Пока ближе не подходи.

Алексей кивнул. Кузнец остался доволен и снова занялся железом. Это было первое обещание, которое касалось будущего. До сих пор будущее состояло главным образом из следующего кормления, сна и попытки встать. Теперь в нём появилось место, куда можно было прийти самому, и человек, у которого можно было чему-то научиться.

Деревня называлась Тихий Брод. За окном виднелись крыши, дальше тянулись поля, а на другой стороне дома начинался лес. По голосам и разговорам Алексей представлял себе улицы раньше, чем увидел их. Он знал, кто приходит за починенными инструментами, кто просит Марен помочь с водой, кто приносит новости. Жители постоянно зависели друг от друга. Когда Бран задерживал работу, кто-нибудь ждал подкову или лопату. Когда уходила Марен, её отсутствие замечали сразу в нескольких хозяйствах.

Здесь не было привычных проводов и розеток. Зато на стене висел кристалл в простой оправе. По вечерам Марен касалась его, и комната наполнялась тёплым светом. Иногда камень едва светился, иногда горел ярко. Бран мог снять оправу, покрутить её в руках, что-то поправить и повесить обратно. Алексей наблюдал за этим с особым вниманием. Предмет выглядел слишком простым для того, что делал.

Кристаллами пользовались для освещения, нагрева, работы механизмов и связи. Алексей пока знал об этом из разговоров, поэтому мысленно отделял увиденное от услышанного. Свет на стене он видел сам. Остальные устройства ещё предстояло рассмотреть. Он уже достаточно устал от необъяснимых вещей, чтобы не добавлять к ним собственные догадки. Если здесь существовала техника, её можно было изучать постепенно, по одному устройству за раз.

Больше всего его удивляло, как спокойно люди обращались с магией. Марен могла вести разговор и одновременно удерживать струю воды. Бран сердился на испорченную заготовку, хотя секунду назад огонь выходил прямо из его руки. Никто не пытался поражать воображение. От дара ждали полезного результата, а за плохо выполненную работу ругали независимо от того, сколько свечения сопровождало усилия.

Алексей начал думать, что именно это ему и поможет. Здесь многое было незнакомо, но у людей оставались обычные потребности: вода, тепло, исправный инструмент, еда. Они уставали и ошибались. Магия тоже имела ограничения, пусть он пока не понимал их. Значит, перед ним находился мир, который можно наблюдать, сравнивать, проверять. Ему не требовалось сразу объяснить всё. Достаточно было перестать ждать, что непонятное исчезнет само.

Восстановление шло медленно. Сначала он научился уверенно держать чашку. Потом смог садиться без помощи. Марен по-прежнему пыталась поддерживать его при каждом движении, и он осторожно отстранял её руку. Сложнее оказалось с ногами. Он помнил ходьбу, но тело отвечало иначе: слишком короткий шаг, непривычное равновесие, слабые после постели мышцы. Приходилось удерживать внимание на том, что раньше не требовало мысли.

Первый раз он встал возле лавки и сразу сел обратно. Второй раз продержался дольше. Бран поставил рядом стул, Марен убрала с пола всё, обо что можно было споткнуться. Алексей раздражался на эту подготовку, хотя прекрасно понимал её смысл. Взрослому рассуждению никак не удавалось договориться с детским телом. Оно дрожало, уставало, нуждалось в отдыхе раньше, чем ему хотелось.

Когда он наконец отпустил край лавки, до стены оставалось несколько шагов. Он посмотрел на доску под ногой, перенёс вес и чуть не упал. Марен дёрнулась, но Бран удержал её за локоть. Алексей выпрямился сам. Ещё шаг. Ладонь коснулась стены. Он стоял, тяжело дыша, и чувствовал её шероховатость под пальцами.

Марен тихо засмеялась. Потом снова заплакала, на этот раз не пытаясь спрятать лицо. Бран сказал что-то короткое и одобрительное. Алексей не разобрал слов. Он смотрел на свою руку, упирающуюся в стену, и впервые с пробуждения испытал радость, которую не требовалось себе объяснять.

Глава 2 Чужой мир и первые шаги

До ворот Алексей добрался не сразу. Путь от дома занимал у здорового человека меньше минуты, но ему приходилось останавливаться возле колоды и переводить дыхание. Марен шла рядом, стараясь не поддерживать его без необходимости. Он видел, как ей хочется взять его на руки, и упрямо шагал дальше. В конце концов она просто открыла ворота. За ними оказалась улица, до сих пор существовавшая для него только в рассказах и в кусочке вида из окна.

Тихий Брод не выглядел местом, где происходят чудеса. Между домами лежали дорожки с продавленными колёсами колеями. У забора сохла рубаха, под лавкой спала собака. Кто-то спорил из-за досок, оставленных возле проезда. Женщина с корзиной поздоровалась с Марен, потом нагнулась к нему и спросила, как он себя чувствует. Алексей ответил, что хорошо, хотя ноги уже устали. Ему хотелось осмотреть больше, чем тело позволяло за одну прогулку.

Он узнавал знакомые голоса и сопоставлял их с лицами. Человек, постоянно жаловавшийся Брану на затупившийся инструмент, оказался худым и сутулым. Соседка, которая говорила громче всех, выглядела совсем небольшой. В прежней жизни он редко замечал, сколько сведений получает, просто идя по улице. Теперь каждый поворот открывал что-нибудь новое. Он останавливался, разглядывал и запоминал, пока Марен не напоминала, что пора домой.

Его раздражала собственная медлительность. Даже когда последствия травмы ослабли, оставалась разница между взрослым намерением и детскими возможностями. Он мог представить, как поднять тяжёлое ведро, но не мог его поднять. Ему приходилось подбирать слова, которые маленький рот выговаривал без запинки, и терпеть, когда взрослые принимали серьёзный интерес за забавную детскую причуду. Внутри детского тела нельзя было бесконечно сохранять взрослое самообладание. Усталость и голод влияли на мысли ощутимее, чем он привык признавать.

Он начал учитывать это так же, как учитывал слабость ног. Если после прогулки становилось трудно сосредоточиться, лучше было поесть и поспать. Если пальцы плохо слушались, стоило отложить задачу. Признать пределы оказалось неприятно, но полезно. В результате за день он успевал больше, чем в те дни, когда упрямо пытался выжать из себя всё сразу и потом лежал без сил.

Наблюдение оставалось занятием, доступным почти всегда. Алексей рассматривал деревню с той же привычкой искать связи, с какой раньше изучал строение животных. Здесь особенно хорошо было видно, что произойдёт, если выпадет одно звено. Несколько человек обеспечивали работу вещей, которыми пользовались десятки семей. Магия не делала поселение независимым от труда. Напротив, труд некоторых жителей имел значение, которого они сами, судя по разговорам, давно не замечали.

Марен могла провести утро у полей, затем отправиться чинить водоотвод и вернуться только к обеду. Дома её ждали вода для готовки и стирка. Алексей видел, что одинаковое движение обходится ей по-разному. Ранним утром струя поднималась сразу. Вечером она сперва набирала воздух, на несколько секунд задерживала руку, потом вода начинала двигаться. Если он спрашивал, устала ли она, Марен обычно отвечала, что всё в порядке. Её плечи говорили обратное.

— А почему ты не перенесёшь сразу всё? — спросил он однажды, когда она наполняла таз.

— Потому что мне ещё ужин готовить, — ответила Марен.

Он переспросил, и она объяснила терпеливее: можно сделать быстро, но потом придётся долго отдыхать. Лучше потратить меньше сил и подождать немного. Алексей запомнил ответ. Он слишком легко предполагал, что отсутствие видимого механизма означает отсут-

ствие затрат. Теперь у него появился первый приблизительный способ судить о цене магии: смотреть на человека после работы.

Кристалл на стене тоже перестал казаться волшебной лампой, которая горит сама по себе. Заряд заканчивался. Перед этим свет становился слабее, углы комнаты терялись в темноте. Марен могла немного подпитать камень, чтобы закончить домашние дела. В другое время она гасила его раньше. Бран ворчал, если забывали погасить пустую комнату, а Алексей узнавал в этом ворчании настолько знакомую бытовую заботу, что почти улыбался.

Он попросил снять оправу. Бран сначала решил, что сыну просто хочется подержать блестящий предмет, и предупредил, чтобы не уронил. Алексей взял кристалл обеими руками. Камень был прохладным, тяжелее, чем ожидалось, с едва заметными неровностями. Свечение словно находилось внутри. Он повернул его, прикрыл ладонью, посмотрел сквозь край. Никакой детали, похожей на лампу, не обнаружилось.

— Что ты ищешь? — спросил Бран.

— Почему он светится.

— Зарядили, вот и светится.

Ответ был правильным и совершенно бесполезным. Алексей понял, что взрослые здесь знают, как пользоваться вещью, но не обязательно умеют объяснить её устройство. Впрочем, в его прежнем мире было ровно так же. Большинство людей включало телефон, не представляя, что происходит внутри. Значит, ему стоило искать человека, который занимается устройствами, а не требовать от родителей объяснения всех законов природы.

Позже он услышал, что деревенские кристаллы регулярно заряжают маги Электричества. Их приезда ждали примерно раз в месяц. Домашняя подпитка помогала дотянуть до следующей зарядки, но не заменяла работы специалиста. Это многое объясняло: почему Марен могла зажечь светильник, хотя её стихией была Вода; почему Бран следил, чтобы камень не разрядился попусту. В быту люди пользовались частью общего умения, а сложную работу поручали тем, кто был к ней приспособлен.

Однажды он решил выяснить, одинаково ли горит светильник в разные дни. Начал с простого: запомнил, насколько ясно видит край стола, когда Марен гасит огонь в печи. На следующее утро сравнил воспоминание с самим предметом и обнаружил, что такой способ почти никуда не годится. Вечером глаза постепенно привыкали к темноте, а воспоминание удерживало прежде всего ощущение комнаты. Яркость в его памяти была ненадёжной величиной.

Тогда он стал смотреть на одно и то же место сразу после того, как кристалл зажигали. Это помогало немного. В один вечер край был чётче, в другой расплывался. Но вмешивались другие условия: свет из окна, положение стула, огонь, возле которого он сидел минуту назад. Алексей задумался, сколько таких условий прежде убирали за него учебные задания. Здесь никто не готовил опыт с заранее известным ответом. Даже простую проверку нужно было устроить самому.

Он попросил Марен зажечь камень раньше обычного, когда окно уже не давало света, а печь ещё не горела. Она спросила зачем. Алексей ответил, что хочет посмотреть. Мать пожала плечами и выполнила просьбу. Он сразу заметил, что смотрел не туда: яркий кристалл оставлял пятно перед глазами и мешал различать стол. Пришлось отвернуться, подождать и признать, что одну попытку он опять потратил плохо.

Марен наблюдала за ним с терпеливым любопытством.

— Теперь увидел?

— Не совсем.

— Завтра посмотришь ещё.

Для неё это было обещание ребёнку. Для Алексея — напоминание, что полезную работу можно продолжить завтра, не заставляя весь дом жить ради одной проверки. Он перестал просить немедленного повторения. Вместо этого начал замечать то, что и так происходило

ежедневно. Вечерний свет, усталость Марен, время, когда Бран убирает инструмент. Так он меньше мешал и получал больше сравнимых наблюдений.

Во дворе и на улице нашлись другие кристаллы. Одни давали свет, от других ждали тепла или движения. Алексей ещё не мог определить устройство по одному виду, но обращал внимание на оправы и детали рядом с камнем. Сам запас энергии, судя по всему, не задавал результата целиком. Между заряженным предметом и полезным действием находилось то, что мастер должен был сделать правильно. Иначе всякая заряженная вещь умела бы всё сразу.

Он спросил Брана, можно ли поставить их светильник вместо нагревателя. Отец ответил, что можно испортить обе вещи, если полезть туда, не понимая устройства. Потом показал крепление и объяснил, что даже похожие камни не стоит менять без проверки. Алексей хотел узнать гораздо больше, но уже понял, когда разговор заканчивается: Бран начинал говорить коротко и смотреть в сторону работы. Он поблагодарил и запомнил хотя бы то, что удалось выяснить.

Отсутствие привычных механизмов поначалу создавало впечатление простоты. Теперь Алексей видел, сколько навыка скрыто в предметах, которые выглядят почти одинаково. Кто-то должен был подобрать камень, подготовить оправу, связать запас маны с нужным действием. Кто-то умел распознать неисправность. Жители деревни не называли этого инженерией, но всё равно зависели от людей, способных сделать вещь работоспособной. Ему хотелось однажды встретить такого мастера и задавать вопросы без необходимости переводить их в детскую форму.

Алексей осторожно сравнивал кристалл с аккумулятором. Сходство касалось назначения, и пока этого было достаточно. В камне запасали ману, затем устройство расходовало её на свет или другое действие.

С водой всё оказалось ещё сложнее. Алексей привык думать о магии Марен как о способе переместить жидкость. Потом она взяла его с собой к водоотводу. Ей требовалось проверить участок возле домов, и оставлять сына одного она не хотела. Алексей шёл рядом, стараясь не показывать, насколько радуется возможности увидеть работу вблизи. Он ожидал канаву, может быть трубы, а увидел сочетание обычных каналов и вещей, назначения которых не понимал.

Марен присела возле потока, коснулась воды и некоторое время молчала. На поверхности проступила голубоватая рябь. Мутные струи отделялись друг от друга; грязь скапливалась там, где её можно было убрать, а очищенная вода уходила дальше. Алексей видел результат, но не мог разобраться, как именно происходит разделение. Не было ни сетки нужной тонкости, ни насоса, который заставлял бы воду проходить через фильтр.

Он подошёл ближе, и Марен немедленно отодвинула его за плечо.

— Здесь грязно. Стой на дорожке.

Он послушался. Запрет был вполне разумным, что не мешало ему досадовать. Вода выглядела чище после обработки, однако это ещё ничего не говорило о её безопасности. Алексей помнил достаточно о микроорганизмах, чтобы не путать прозрачность с отсутствием инфекции. Он хотел спросить, что происходит с тем, чего нельзя увидеть, но не знал, какими словами здесь говорят о таких вещах.

— Эту воду можно пить?

— Эту — нет, — сказала Марен. — Для питья берут в другом месте.

Ему понравился ответ. Он означал, что местные не считают любую обработанную магией воду безусловно чистой. Значит, наблюдаемая простота скрывала правила и опыт, накопленный до его появления. Алексей почувствовал себя несколько глупо. Он успелвообразить, что один знает о санитарии среди людей, которые ежедневно обеспечивали её работу.

Обратный путь Марен прошла медленнее. Держала его за руку, но почти не разговаривала. Дома она села прежде, чем снять платок. Алексей принёс ей кружку, расплескав часть воды по дороге. Марен поблагодарила и выпила. Он смотрел на её мокрые от работы пальцы и

думал о том, сколько в его представлениях о магии было чужих сказок. Здесь её последствия измерялись вполне обычной усталостью.

Бран работал иначе и отвечал на вопросы иначе. Он не любил долго рассуждать, особенно когда железо уже находилось в горне. Алексей учился ждать подходящего момента. Если спросить во время удара, отец мог не услышать. Если начать сразу несколько вопросов, отмахивался. Зато после работы, когда протирал инструмент, был способен подробно показать то, что нельзя было объяснить словами.

Однажды он дал сыну посмотреть на две заготовки. Алексей долго разглядывал одинаковые, на его взгляд, куски металла. Бран указал на цвет излома, на след обработки, на место, которое легко пропустить. Потом объяснил, что одинаковый нагрев не сделает из них одинаковую вещь. Магия помогала точно подводить тепло, но не меняла качества материала по желанию кузнеца.

Алексей запомнил собственную ошибку. Он привык видеть пламя и сразу приписывать ему почти безграничные возможности. Между тем Бран по-прежнему выбирал металл, отбрасывал неудачные куски, переделывал работу. Одна испорченная деталь стоила ему части дня. Он сердился, откладывал её и начинал заново, а сын смотрел, как человек с даром Огня совершенно по-человечески вынужден исправлять последствия поспешности.

Постепенно Алексей стал замечать в кузнице то, что раньше заслоняло свечение. Положение ног. Расстояние от лица до металла. Как Бран меняет хват, когда заготовка становится тяжелее, как убирает руку, прежде чем что-то повернуть. Огонь был лишь частью работы. Всё остальное составлял навык, выработанный повторением. С этим Алексей мог разобраться: его собственное тело тоже училось заново через повторение.

Время от времени ему хотелось продемонстрировать взрослое знание целиком. Объяснить Марен что-нибудь о воде, Брану — о нагреве, любому встречному — о том, как устроено живое. Желание возникало особенно сильно после дня, когда с ним слишком долго разговаривали как с маленьким. Алексей уже открывал рот и замечал, что не знает нужного местного слова или не умеет подтвердить собственный вывод. Тогда приходилось превращать объяснение в вопрос.

Вопросы спасали чаще, чем он ожидал. Иногда взрослый отвечал именно то, что Алексей предполагал. Иногда выяснялось, что предположение неверно. Так было неприятнее, зато он не успевал выставить незнание напоказ. Он постепенно отказывался от потребности доказывать, кто находится внутри Тэо. Доказательство всё равно не вернуло бы прежнюю жизнь. А хорошее объяснение местного человека могло помочь уже сегодня.

Он начал упражнять пальцы, перекладывая мелкие предметы. Не потому, что трёхлетний ребёнок должен был обладать идеальной координацией, а потому, что прежняя координация больше не подходила. Он тренировался поднимать кружку, не глядя на руку, проходить между лавкой и столом, поворачиваться без лишнего шага. Бран иногда посматривал на это с удивлением. Марен говорила, что сын стал осторожнее после несчастья. Это объяснение устраивало всех.

С речью стало легче, когда Алексей перестал мысленно готовить целые взрослые предложения. Короткие вопросы работали лучше. Где? Почему? Кто делает? А если не получится? Взрослые охотно отвечали, пока не замечали, сколько вопросов он успевает задать. Потом кто-нибудь смеялся и отправлял его заниматься своими делами. Алексей не спорил. Полученного и без того хватало, чтобы вечером обнаружить несколько противоречий.

Его память была хорошей, но он не считал её непогрешимой. Он повторял услышанное перед сном, связывал имена с лицами, места с событиями. Иногда одно и то же явление описывали совершенно разными словами. Иногда рассказчик забывал подробность, а другой добавлял то, что звучало неправдоподобно. В таких случаях Алексей оставлял рядом две версии. Выбрать красивую было легко. Узнать правильную можно было лишь позже.

Он хотел записывать, но долго не имел возможности. Приходилось хранить в голове и устройство светильника, и названия окрестных мест, и то, что Марен рассказала о своей работе. Алексей понял, насколько раньше полагался на бумагу, телефон и чужие книги. Уверенность в собственном образовании стоила меньше, чем казалось. Часть знаний он помнил смутно, часть не мог проверить, а самые нужные вещи относились к миру, о котором в университете никогда не говорили.

С тоской по дому происходило нечто похожее. Она не исчезла, но перестала занимать всё пространство. Алексей мог увлечься наблюдением и несколько часов не вспоминать о прежней жизни. Потом ловил себя на этом и чувствовал вину, словно сам отдал часть прошлого. Он снова перебирал имена, лица, привычные маршруты. После этого нужно было вставать к ужину, отвечать Марен и жить дальше. Здесь никто не знал, что именно он пытается сохранить.

Иногда мать звала его, а он откликался прежде, чем успевал подумать. Имя Тэо переставало звучать чужим. Это тоже тревожило. Алексей пытался определить, где проходит граница между привычкой и изменением самого себя, однако задача не имела удобного ответа. Тело росло, окружающие обращались с ним как с сыном Брана и Марен, и он всё реже испытывал необходимость мысленно поправлять их.

Примерно тогда он узнал названия шести стихий: Вода, Огонь, Земля, Электричество, Тьма и Свет. Он повторил их про себя, удивившись соседству привычных явлений и понятий, которые раньше не считал физическими силами. Особенно непонятными были последние два. Свет в местных разговорах означал гораздо больше обычного освещения. Тьмой тоже называли не просто отсутствие солнца.

Он расспрашивал родителей о различиях. Бран приводил примеры из ремесла и говорил о тех, с кем работал. Марен рассказывала понятнее, когда речь касалась помощи людям. Из её объяснений Алексей вынес, что стихия задаёт склонность, а применение может быть очень разным. Внутри Света существовали свои направления. Исцеление относилось к одному из них. Это слово он запомнил особенно хорошо, хотя ещё не знал, какое отношение оно будет иметь к нему самому.

Чем больше он узнавал, тем меньше хотелось делать общие выводы. Мир не собирался укладываться в простую таблицу. Одна стихия могла иметь несколько применений, а сходный результат получали разными способами. Люди с одинаковым даром умели не одинаковые вещи. Для объяснения требовалось знать не только название силы, но и того, кто ею пользуется, чему учился, сколько работал, где совершал ошибки.

При этом он не собирался навсегда оставаться наблюдателем. Возможность знать больше окружающих занимала его ещё до переселения, а здесь приобрела прямой смысл. Если удастся понять магию достаточно хорошо, можно будет делать то, чего другие не умеют. Не повторять готовое движение, а выбирать собственное применение. Алексей видел, насколько жизнь деревни зависит от нескольких навыков, и представлял, что произойдёт, если изменить хотя бы один из них.

Пока это были слишком большие мысли для человека, которому Марен ещё напоминала завязать одежду. Именно несоразмерность и злила его. Он мог представить целую систему, но не мог без разрешения уйти к соседней улице. Алексей терпел и учился. Он рассчитывал однажды получить возможность влиять на окружающее так же уверенно, как сейчас окружающее распоряжалось им.

Годы здесь сменялись без всякой торжественности. Одна одежда становилась мала, Марен выпускала швы или находила другую. Алексей доставал до вещей, которые прежде находились слишком высоко. Мог дольше идти, увереннее говорить, удерживать тяжёлую для себя чашку одной рукой. Он заметил, что некоторые ограничения исчезают просто потому, что ребёнок растёт. Другие приходилось преодолевать отдельно. Это различие было важно: усилие не всегда ускоряло то, чему нужно было время.

К пяти годам он уже свободно передвигался по знакомой части деревни, с разрешения родителей заходил к соседям, сидел у кузницы и задавал вопросы, которые всё чаще заставляли взрослых задуматься. Последствия травмы остались в их памяти сильнее, чем в его теле. Марен ещё долго останавливалась, когда видела возле сына лошадь. Бран иногда проверял, не устал ли он, хотя прежде говорил, что мальчику полезно больше ходить.

Сам Алексей обнаружил свой дар без красивой вспышки. На ладони осталась небольшая ссадина после обычной детской неосторожности. Он смотрел на неё, думая о том, как кожа закрывает повреждение, и вдруг почувствовал тепло. Края ссадины сошлись заметно быстрее, чем должны были. Он повторил попытку мысленно, уже осторожнее. Тепло вернулось, а вместе с ним появилось ощущение потока, прежде не замеченного в собственном теле.

Когда родители поняли, что происходит, Марен позвала человека, который умел разбираться в таких проявлениях. Алексей услышал знакомые теперь слова: Свет, исцеление. Он старался сохранять вид заинтересованного ребёнка, хотя внутри торопливо складывал наблюдения. Возможность управлять живой тканью касалась того, что он действительно изучал. Впервые после пробуждения прошлые знания получили предмет, к которому можно было приложить их прямо здесь.

Ему показали простейший приём контроля маны и предупредили, что нельзя расходовать силы без меры. Алексей выслушал всё очень внимательно. Он не хотел превращать первое открытие в очередную ошибку, совершённую от нетерпения. Его интересовала разница между тем, что говорили о лечении, и тем, что он почувствовал сам. Когда он направлял тепло в собственную ладонь, отклик приходил почти сразу. При попытке вывести силу наружу всё становилось труднее.

Вечером он лежал на своей кровати и смотрел на тёмные балки. Марен спала рядом; из кузницы доносились редкие удары. Бран опять задержался с работой. На стене едва светился кристалл. Алексей поднял руку, разглядел пальцы в тусклом свете и осторожно вызвал знакомое тепло. Оно прошлось под кожей и исчезло, когда он отвлёкся на звук молота.

Почти два года он главным образом смотрел, слушал и ждал, пока тело позволит больше. Теперь появилась возможность действовать иначе. Пока он не знал, насколько далеко можно зайти, где заканчивается лечение и начинается вмешательство, сколько ошибок выдержит его организм.

Глава 3 Физиология предела

Утром Алексей проснулся раньше родителей и несколько минут лежал, прислушиваясь к себе. После вчерашних попыток ладонь не болела. Не было ни жара, ни странного онемения, которых он втайне опасался. Он потёр пальцы, согнул руку, сел на кровати. Ощущение магии не возникало само по себе. Нужно было сосредоточиться, нащупать знакомое тепло и удержать его, не пытаясь сразу направить во всё тело.

Первые пробы получились скучнее, чем он ожидал. Тепло то появлялось, то исчезало. Стоило задуматься о чём-нибудь ещё, и усилие распадалось. Алексей мог объяснить себе, как работает мышца, но знание не превращалось в приказ для маны. Потребовалось несколько дней, чтобы перестать путать желание получить результат с действием, которое его вызывает. Помогало начинать с маленького участка и не торопиться.

На вид он оставался пятилетним Тэо: худые плечи, короткие руки, привычка сидеть поджав ноги. Внутри этого тела находился человек, помнивший строение тканей и физиологию нагрузки. Алексей слишком хорошо понимал, чего ему не хватает для жизни вне деревни. Он был слабее почти любого взрослого, медленнее опытного бойца, а о местных опасностях пока знал из разговоров. Одного дара исцеления было недостаточно, если он не научится пользоваться им вовремя.

Он начал с обычных упражнений. За домом росла яблоня, под ней оставался участок земли, куда утром ещё не попадало солнце. Алексей выходил босиком, чтобы не разбудить родителей, и приседал. Считал повторения про себя. Поначалу терял равновесие и переносил вес на носки; приходилось останавливаться, исправлять положение ног и начинать снова. Роса холодила ступни. К концу первого подхода он уже жалел, что не обулся.

Раньше ему казалось, что главное — заставить себя работать. Теперь оказалось, что сначала надо научиться замечать, какую работу выполняет тело. Колени двигались не так, как он представлял. Спина изгибалась. При отжимании руки дрожали задолго до того числа, которое он запланировал.

Самая низкая ветка яблони выдерживала его вес. Он хватался за неё, повисал и пытался подтянуться. В первый день получилось едва согнуть локти. Во второй — немного выше. Кора натирала ладони, и тут впервые удалось проверить исцеление во время нагрузки. Алексей слез с ветки, посмотрел на красную полосу под пальцами и направил в неё Свет. Жжение ослабло почти сразу. Через несколько вдохов ладонь выглядела так, словно он ещё не касался дерева.

Он поднял обе руки и сравнил ощущения. Усталость в плечах оставалась, а раздражение на коже исчезло. Значит, исчезновение повреждения не означало полного восстановления. Эта разница была важнее самой скорости заживления. Если он перестанет чувствовать боль, но продолжит работать истощёнными мышцами, магия может скрыть проблему раньше, чем решит её. Алексей сделал ещё одну короткую попытку и на этом закончил утреннее занятие.

За завтраком он съел больше обычного. Марен с удивлением подвинула ему миску, потом потрогала лоб.

— Не заболел?

— Нет. Голодный.

Она посмотрела на его руки. Алексей опустил их под стол, хотя прятать уже было нечего. Этодвижение не ускользнуло от Брана. Отец ничего не сказал, только после еды спросил, чем сын занимался за домом. Алексей объяснил про упражнения. Бран усмехнулся и велел в следующий раз надевать обувь. Так тайная тренировка стала обычной частью утра, за которой родители наблюдали гораздо внимательнее, чем ему хотелось.

Через некоторое время Алексей понял, что его Свет особенно легко работает внутри собственного тела. При чужом повреждении нужно было удерживать поток снаружи, преодо-

левать расстояние, искать отклик в незнакомой ткани. Здесь всё отзывалось сразу. Он чувствовал участок, в который направляет ману, и мог различить результат, не полагаясь только на зрение. Даже слабого усилия хватало там, где наружное применение требовало заметной сосредоточенности.

После тяжёлого подхода он направлял ману в перенапряжённые мышцы. Обычная ломота ослабевала. Если в ткани возникало повреждение, Свет закрывал его гораздо быстрее естественного заживления. Алексей пробовал снова и обнаруживал, что может выполнить движение, которое несколько минут назад уже не давалось. Восторг приходил раньше осторожности. Он несколько раз начинал следующий подход слишком рано.

Однажды после такого утра он едва дошёл до дома. Ноги слушались, ничего не болело, но во всём теле стояла слабость. Во рту пересохло. Алексей сел на пороге и несколько минут не мог подняться. Марен увидела его, принесла воду, потом отвела в комнату. На её вопросы он отвечал коротко. Лгать о том, что произошло, было бесполезно: пустой запас сил ощущался так явно, что даже взрослый разум не мог убедить себя в обратном.

День прошёл в постели. Алексей ел, пил и спал. Он злился на потерянное время, однако наконец получил ответ на вопрос, которого прежде избегал. Исцеление не создавало силы из ничего. Восстановленная ткань оставалась частью организма, которому требовалась еда. Мана расходовалась, и её запас тоже возвращался не по желанию. Он мог ускорить один процесс, но не освободиться от всех остальных сразу.

Перед сном Алексей перебрал всё, что сделал до слабости. Упражнений было не так много, если считать только повторения. Однако между ними он несколько раз восстанавливал ткань, возвращал мышце возможность работать и тут же снова давал нагрузку. В обычной тренировке организм заставил бы его прекратить гораздо раньше. Магия отодвинула этот момент, а он решил, что вместе с ним исчезло и ограничение.

Такой вывод был удобным и неверным. Алексей вспомнил, как после последнего подхода стоял вполне уверенно, а спустя несколько минут едва дошёл до порога. Усталость не обязана была проявляться именно в той форме, которую он ожидал. Свет снимал знакомые признаки, и ему приходилось искать другие. Ещё недавно боль была главным сигналом. Теперь нужно было учиться слушать тело, когда этот сигнал можно быстро заглушить.

Он начал с различия между движениями. Поднять руку после исцеления удавалось легко. Удерживать её поднятой — труднее. Сделать один шаг можно было без усилия, пройти всю дорогу — уже нет. Алексей пытался замечать продолжительность работы, а не только факт, что действие возможно. Это не делало его проверку точной, но помогало не принимать одно удачное движение за готовность к следующему часу занятий.

Отдельно наблюдал за мышцами после сна. Если магия действительно помогала восстановлению, наутро привычная нагрузка должна была даваться легче. Иногда так и происходило. Иногда он просыпался с тяжестью в ногах, несмотря на отсутствие боли вечером. Он оставлял такие дни без объяснения, пока не набрал достаточно похожих случаев. Слишком легко было приписать удачный результат дару, а неудачный — случайности, и никогда не проверить собственную схему.

Здесь его прежняя любовь к биологии оказалась одновременно помощью и ловушкой. Он знал, что искать, но всё время хотел объяснить процесс до того, как увидит. Алексей мысленно мог произнести длинную фразу о восстановлении волокон, однако не знал, почему сегодня поток потребовал больше усилия. Он учился останавливаться именно на таком простом незнании.

После этого он изменил занятия. Перестал считать любое исчезновение боли разрешением продолжать. Сравнивал дыхание, дрожь в руках, способность удерживать ровное положение. Делал паузы. Если утром работа шла хуже, чем накануне, не назначал себе наказание

дополнительными повторениями. Он всё ещё стремился к пределу, но теперь хотя бы пытался определить, что именно находится за ним.

Со временем цикл нагрузки и восстановления стал устойчивее. Мышцы выдерживали больше, хват укреплялся, шаг делался увереннее. Алексей намеренно доводил себя до тяжёлой усталости и возвращал повреждённым тканям работоспособность. Иногда переходил грань и получал болезненное растяжение. Свет помогал исправить последствия, но память о неудачном движении оставалась. Он учился на этом тщательнее, чем на удачных подходах.

Ему хотелось думать о теле как о материале, которым можно управлять. Эта мысль придавала смелости, пока очередная ошибка не показывала, насколько мало он пока контролирует. Он мог знать названия мышц и помнить устройство сустава, но не видел собственные ткани изнутри. Часть работы делала магия, откликаясь на намерение. Где именно заканчивалось знание и начиналась догадка, он ещё не понимал всего процесса.

Поэтому Алексей не торопился менять то, что работало нормально. Он восстанавливал повреждения, наблюдал за укреплением мышц, пробовал влиять на скорость отдыха. Сложные мысли о перестройке всего организма оставались мыслями. Пятилетнее тело продолжало расти само, и вмешиваться вслепую в этот рост было бы глупо. Он мог позволить себе упорство. Права на уверенность у него пока не было.

Бран заинтересовался, когда сын без труда поднял то, с чем ещё недавно не справлялся. Попросил показать ладони, пощупал плечи, велел пройтись по двору. Алексей чувствовал себя инструментом, который кузнец проверяет перед работой. Отец смотрел серьёзно и долго молчал. Потом спросил, пользуется ли Тэо своим даром во время упражнений. Алексей ответил, что да.

— Значит, следи, чтобы голова успевала за руками, — сказал Бран.

Он не запрещал тренироваться. Но теперь иногда выходил во двор, поправлял движение, убирал слишком тяжёлую вещь. Алексей поначалу раздражался. Потом заметил, что после отцовской поправки упражнение становится труднее именно там, где должно быть трудным. Сам он нередко облегчал себе работу, не замечая этого. Бран видел такие мелочи без знания анатомии.

Когда тело окрепло, появился меч. Сначала деревянный, затем короткий стальной клинок, который Бран изготовил для сына. Он был тяжеловат, без украшений, с рукоятью, которую удобно удерживали маленькие пальцы. Алексей взял его и сразу понял разницу между настоящим оружием и палкой. Металл тянул кисть, менял равновесие, заставлял по-другому распределять усилие. Простое поднятие клинка требовало внимания.

Во дворе Бран вкопал старую пень-колоду. Показал, куда ставить ноги, как держать локоть, когда переносить вес. Алексей повторил движение и попал в дерево плоскостью клинка. Удар неприятно отдал в ладонь.

— Не торопись, — сказал отец. — Сначала пойми, где у него край.

Алексей посмотрел на лезвие. Его смутила простота замечания. Он уже рассуждал о траекториях и распределении нагрузки, а сам не смог правильно направить режущую кромку. Бран показал ещё раз. Медленно, без силы. Клинок вошёл в дерево неглубоко и ровно. Алексей повторил, внимательно следя за запястьем. Со второго раза получилось лучше.

Тренировка с оружием быстро показала, чего не давали упражнения. Сильная рука могла мешать, если он удерживал меч слишком жёстко. Попытка ударить быстрее приводила к потере равновесия. Широкий замах открывал всё тело. После промаха приходилось возвращать клинок, и это занимало время, о котором он прежде не думал. Бран смотрел и заставлял повторять самое неинтересное: исходное положение, шаг, короткое движение, возвращение.

Алексей анализировал ошибки вечером. Вспоминал, где начинала болеть кисть, в какой момент плечо поднималось слишком высоко. Его интересовала передача усилия от ног через корпус к руке. Университетская биомеханика помогала ставить вопросы, но ответы часто

давало простое повторение. Тело училось там, где рассуждение уже давно считало всё понятным. На следующий день ошибка возвращалась, и приходилось исправлять её ещё раз.

Колода быстро покрылась следами. Одни уходили почти вертикально, другие лежали косо, несколько оказались рядом с выбранным местом, хотя Алексей был уверен, что направлял клинок одинаково. Он начал рассматривать дерево после каждого короткого подхода. След сохранял результат лучше, чем ощущение руки. Если удар казался удачным, а зарубка уходила не туда, стоило доверять зарубке.

Бран заметил его интерес и однажды повернул колоду другой стороной. Алексей возмутился: он привык к старой поверхности. Отец предложил продолжить. Первый удар вышел хуже обычного. На новой стороне не было знакомых линий, по которым сын невольно ориентировался. Он только тогда понял, насколько зависел от них. На живом противнике никто не оставит предыдущую зарубку в качестве подсказки.

Они стали менять расстояние до цели. Совсем немного: шаг ближе, полшага дальше. На привычном месте движение получалось, дальше приходилось тянуться и терять положение. Ближе рука мешала направить край. Алексей с удивлением обнаружил, что одно умение распадается на множество похожих вариантов. Он мог отлично выполнить знакомый вариант и остаться беспомощным, когда задача изменится на несколько пальцев расстояния.

Бран заставлял заканчивать движение в устойчивом положении. Сын хотел видеть главное в контакте клинка с целью. Отец спрашивал, что он сделает потом. Алексей отвечал: следующий удар. Тогда Бран легко толкал его в плечо, и выяснялось, что прежде удара придётся восстанавливать равновесие. Эта проверка раздражала. Зато она сразу показывала то, что рассуждение о биомеханике легко пропускало.

Отдельной задачей стало возвращение оружия. Алексей мог направить клинок точно, а затем оставить руку вытянутой. В учебном движении ничего страшного не происходило. Бран просто касался открытого участка и ждал, пока сын поймёт. Приходилось включать возвращение в привычку, даже когда хотелось остановиться и оценить результат. Алексей начал повторять короткие последовательности целиком, а не один красивый момент.

Свет использовал после каждого тяжёлого подхода, не дожидаясь следующего утра. Ткань восстанавливалась, и он снова мог работать. В этом всё ещё находилось преимущество, которого другие ученики не имели. Алексей видел, насколько больше повторений укладывается в день, и не собирался отказываться от него. Он только учился расходовать выигранное время так, чтобы вместе с мышцами не укреплять ошибку.

Бран иногда требовал закончить, когда сын ещё мог продолжать. Алексей спорил, показывал, что руки не дрожат. Отец качал головой.

— Сейчас ты повторяешь хуже, чем в начале. Плохое тоже запоминается.

После нескольких таких разговоров Алексей стал замечать ухудшение сам. Нога уходила в сторону, локоть распрямлялся раньше, чем нужно, клинок задевал колоду под неправильным углом. Восстановить мышцу было проще, чем отучить себя от удобной ошибки. Он сокращал подходы и возвращался к медленным движениям, которые так не любил в первые дни.

Из всех открытий самым неожиданным оказалось то, что случилось с восприятием. Алексей сидел после тренировки, пытаясь унять тупую головную боль. Он привык направлять Свет туда, где чувствовал повреждение, и почти автоматически сосредоточился на голове. Тепло поднялось выше, появилось непривычное ясное ощущение — и звук кузницы растянулся. Удар молота, обычно короткий, теперь словно имел середину, за которой можно было следить.

Он поднял глаза. С ветки падала капля. Алексей увидел, как она отделяется, вытягивается и летит вниз. Ему показалось, что времени хватает подумать о каждом её движении. Он потянулся к ней и тут же убедился: рука не успевает так, как мысль. Капля упала на землю. В тот же момент чужая медлительность исчезла, а во рту появился металлический привкус.

Алексей долго сидел неподвижно. Первое желание было повторить немедленно, но голова разболелась сильнее. Он закрыл глаза и дождался, пока дыхание выровняется. Если это произошло случайно, нужно было понять, что именно он сделал. Если ему только показалось, повторение могло это проверить.В обоих случаях торопиться не стоило. Он уже заплатил одним потерянным днём за похожую поспешность.

На следующий день он снова попробовал направить небольшую часть потока к нервной системе. Получилось не сразу. Удерживать тепло в мышце было привычно, здесь же приходилось искать другое ощущение. Алексей сидел под яблоней и смотрел на ветви. Свет солнца двигался по листьям, ветер сгибал тонкие черешки. В какой-то момент движение стало дробным, подробным. Он успел различить то, что раньше сливалось в один жест ветки.

Мир не остановился. Это Алексей стал воспринимать его быстрее. Такое объяснение казалось разумнее всех остальных, хотя он не мог измерить скорость. Он попробовал повернуть голову и обнаружил, что тело опять отстаёт. Ускоренная мысль имела достаточно времени, чтобы заметить промедление мышцы. Возможность подумать раньше удара ещё не означала возможность уйти от него.

Он выключил поток. Обычные звуки вернулись резко, словно рядом заговорили слишком громко. Алексей потёр виски. Утомление ощущалось иначе, чем после упражнений: не тяжесть в мышцах, а трудность собрать простуюмысль. Он понял, что новую способность придётся использовать коротко. Пока даже несколько мгновений оставляли неприятный след. Попытка прожить в таком восприятии всё утро выглядела заманчиво только до первой проверки.

Для первой простой проверки он поднял с земли небольшой кусок коры и выпустил его из пальцев. Без ускорения тот сразу оказывался у ног. С ускорением Алексей успел проследить падение, заметить поворот и подумать, куда кора приземлится. Потом пытался поймать. Почти всегда промахивался, хотявголове уже видел нужное движение. Это было хорошим напоминанием: мысль ещё не превратилась в моторный навык.

Он повторял с той же высоты. Менял руку, положение пальцев, расстояние до тела. Если предмет падал совсем близко, ловить становилось легче; дальше приходится двигать плечом и наклоняться. Ускорение помогало выбрать момент, но долгий путь руки всё равно оставался долгим. Алексей начал заранее принимать положение, из которого нужное действие требует меньше движения. Это оказалось полезнее, чем пытаться вызвать ещё более сильный поток.

Иногда он увлекался и забывал выключить способность. Тогда обычный короткий эпизод субъективно растягивался, а после него болела голова. В такой день читать было трудно, разговаривать не хотелось. Алексей лежал и слушал, как родители занимаются делами. Ему неприятно было признавать, что выигранные мгновения могут стоить остальной части дня. Поэтому он стал тренировать прекращение не менее настойчиво, чем включение.

Поток должен был останавливаться по приказу, а не только от усталости. Алексей замечал выбранное движение, разбирал его и возвращал обычное восприятие. Поначалу возникало желание оставить всё замедленным ещё чуть-чуть: вдруг появится другая полезная подробность. Он учился отказываться от этой жадности. Нельзя получить все наблюдения за одну попытку. Можно сохранить силы и повторить завтра.

В следующие недели он тренировался замечать момент включения и прекращать воздействие по собственному решению. Считал вдохи, наблюдал за каплями, за летящими из кузницы искрами, за рукой отца. Никаких особых названий придумать не мог и мысленно говорил просто: ускорение. Это слово не объясняло механизм, но обозначало действие достаточно точно. Если он успевал заметить больше, значит, можно было попробовать использовать замеченное.

На колоде результат оказался скромным. Алексей видел неправильное движение раньше, но исправить его мгновенно не мог. Приходилось прекращать удар и заново ставить ноги. Зато ошибки стали понятнее. Он заметил, как кисть уходит с нужной линии ещё до контакта, как

плечо поворачивается вслед за слишком широким замахом. Затем выключал ускорение и отрабатывал исправление в обычном времени.

Эта последовательность работала. Постепенно правильное движение переставало требовать размышления. Тогда ускорение позволяло выбрать его раньше, чем прежде. Алексей понимал, что выигрывает не столько силу, сколько время на решение. Против неподвижной колоды выигрыш был почти бесполезен. Для настоящей проверки требовался человек, который способен сделать не то, чего он ожидает.

Бран согласился на занятия с деревянными мечами, когда убедился, что сын удерживает оружие и не забывает об осторожности. Встал напротив него во дворе, протянул короткий тренировочный клинок и сам взял другой. Настоящий меч убрал к стене. Алексей сразу почувствовал облегчение в руке и едва заметное разочарование. Ему хотелось проверить всё сразу. Отец явно собирался проверять только то, что считал нужным.

— Меч надо чувствовать, — сказал Бран. — Пока ты думаешь отдельно о руке и отдельно о железе, опоздаешь. Для обучения деревянный мечь подойдет лучше.

Алексей кивнул. Отец шагнул, легко коснулся деревянным клинком его плеча и отошёл. Всё было настолько просто, что сын сперва не понял, когда успел пропустить удар. Вторую попытку он встретил заранее поднятой защитой. Бран изменил движение, ударил по боку. Не сильно, но достаточно, чтобы Алексей запомнил.

После нескольких повторений он включил ускорение. Увидел, как отец переносит вес, как начинает двигаться плечо. Выбрал ответ, поднял оружие — и снова получил удар. Бран показал одно движение и закончил другим. Алексей заранее поверил тому, что увидел первым. Времени на ошибку стало больше, но ошибка от этого не перестала быть ошибкой.

Он стоял, растирая бок, и с досадой думал, что способность будто решила над ним посмеяться. Бран спросил, понял ли он, что произошло. Алексей ответил честно: нет. Отец повторил медленно, позволил проследить весь путь клинка. Противник мог менять намерение. Мог специально предложить неверную догадку. Смотреть быстрее было полезно лишь при условии, что он понимает увиденное.

Это открытие убавило самоуверенности. Алексей перестал представлять ускорение как готовое предвидение. Он не читал мысли и не знал будущего. Видел движение подробнее, мог раньше сравнить его с известным, но незнакомый приём оставался незнакомым. Каждое занятие с Браном прибавляло опыт, который нельзя было заменить одним удачным магическим воздействием.

Отец ограничивал силу ударов, однако синяки всё равно появлялись. Алексей лечил их после занятия, иногда прямо между попытками. Бран следил, чтобы сын не возвращался к бою только потому, что боль ушла. Если движение становилось рассеянным, убирал деревянный меч. Алексей научился не спорить сразу. Сначала проверял, действительно ли ещё способен сосредоточиться. Несколько раз ответ оказывался неприятным.

Зато однажды он успел поставить защиту. Дерево стукнуло о дерево, чужой клинок ушёл в сторону. Алексей увидел, что отец на мгновение открыл руку, и попробовал ответить. Бран легко остановил его, но улыбнулся. Эта улыбка стоила долгих утренних упражнений. Она подтверждала, что хотя бы часть работы перестала существовать только в голове.

Он запомнил удачную попытку столь же тщательно, как прежние ошибки. Что видел перед ударом. Где стояла левая нога. В какой момент напряглась кисть. На следующий день повторить успех не получилось. Алексей терпеливо разобрал неудачу и продолжил. Опыт накапливался не в виде красивой непрерывной лестницы. Бывали дни, когда всё шло хуже, и это приходилось пережить, не выдумывая себе новую катастрофу.

Особенно трудно было отказаться от попытки угадать любимый приём Брана. Алексей замечал повторение и заранее готовил ответ. Отец видел подготовку и менял движение. Тогда сын снова искал устойчивый признак, на этот раз в положении ног. Иногда находил верно.

Иногда принимал случайность за правило. Занятия учили его проверять собственные закономерности не менее строго, чем чужие слова.

Постепенно тренировки перестали быть набором отдельных упражнений. Сила помогала удерживать клинок. Правильное движение сберегало силу. Свет возвращал тканям работоспособность. Ускорение давало время заметить промах, пока его ещё можно было исправить. Если выпадало что-то одно, остальные умения не всегда спасали. Алексей всё чаще думал о том, как использовать их вместе, и всё реже — о том, насколько каждое из них удивительно само по себе.

При этом жизнь за пределами двора не прекращалась. Марен звала его к столу. Бран просил принести инструмент, подмести, убрать колоду после работы. Алексей иногда сердился на такие отвлечения, потом обнаруживал, что переносить ведро, аккуратно укладывать вещи и ходить с полной миской тоже приходится этим телом. Навык не мог существовать только в утреннем упражнении. Всё, что он делал, понемногу учило его управлять собой.

К вечеру он часто был слишком утомлён, чтобы долго размышлять. Засыпал и просыпался уже при дневном свете, недовольный потерянным рассветом. Но теперь хотя бы знал, что отдых тоже входит в работу. Образ будущего бойца, который никогда не спит, оказался столь же нелепым, как представление о магии без затрат. Даже его необычный дар не отменял потребности организма восстановить запас.

Прошло несколько месяцев. Алексей стал увереннее держаться на ногах, дольше работать с клинком, реже терять оружие после соприкосновения. Бран уже не мог остановить каждую его попытку одним движением, хотя по-прежнему выигрывал без труда. Разница между ними оставалась огромной. Сын видел её особенно ясно в ускорении: опыт позволял отцу двигаться экономно там, где он сам ещё тратил усилие на поиски ответа.

После одного из занятий Алексей остался во дворе. Бран ушёл в кузницу, Марен позвала его умыться, но он попросил минуту. На деревянном мече темнела вмятина от последнего удара. Он провёл по ней пальцем. Сколько раз отец мог достать его за этот короткий бой? Сколько раз намеренно не стал? У двора были правила, у Брана — желание научить сына. У существа в лесу не будет ни того, ни другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.